

А Н Н О Т А Ц И И

Dagron G. *La romanité chrétienne en Orient. Heritages et mutation*. L.: Variorum Reprints, 1984. 330 p.

Сборник статей французского византиста профессора Коллеж де Франс Жильбера Дагрона, автора известного исследования «Рождение столицы», состоит из 14 работ, опубликованных в 1969—1982 гг. Многие из них в свое время появились в изданиях, недоступных советскому читателю, так что данная книга позволяет составить более полное представление о научном творчестве Дагрона. Она включает три раздела, первый из которых назван «Культура и ее политические проявления». В него входят следующие работы: I. «У истоков византийской цивилизации: язык культуры и язык государства» (о борьбе греческого и латинского языков в различных сферах жизни позднеантичного общества); II. «Утопическое рассуждение и повествование об истоках» (о художественной функции географии у Иордана); III. «Когда дрожит земля...» (история обсуждения в Византии вопроса о причинах землетрясений); IV. «Святой, ученый, астролог» (жанр «Ответов на вопросы» как прототипа агриграфии); V. «Сын Льва I. 463 г.» (один и тот же факт в изображении «Жития Даниила Столпника» и гороскопа императора Льва). Второй раздел — «Общество» — охватывает статьи: VI. «Два свидетельства о Мопсуэстии от середины VI в.» (признаки зарождения феодальной организации в документах местного собора 550 г. и в надписи из Аданы от 560 г.); VII. «Между городом и деревней. Сельская „бургада“ IV—VII вв. на Востоке» (развитие крупных сел и дезурбанизация Византии); VIII. «Монахи и город. Монашество в Константинополе до Халкидонского собора 451 г.» (противоречия монашества столицы и епископата как отражение конфликта между Константинополем и провинцией); IX. «Христианство в византийском городе» (феномен города сквозь призму его христианизации; рассмотрены четыре аспекта: место культовых зданий в городском ансамбле, кладбища на территории города, роль епископа в городе, значение культа святых в городе); X. «Этнические и религиозные меньшинства на византийском Востоке в конце X—XI в.: сирийская иммиграция» (еретические анклавы перед лицом византийской политической ортодоксии). В раздел «Религия» вошли статьи: XI. «Культ изображений в византийском мире»

(икона — слияние культа императора с культом мертвых); XII. «Границы и окраины: игра со священным в Византии» (парадоксы иконопочитания и специфика византийского благочестия); XIII. «Восприятие различия: начало „спора о чистилище“» (взаимопризнание церквей в XII в. и противоположная тенденция в XIII в.); XIV. «Византия и уния» (Лионский Собор 1274 г. и кризис эллинизма в Византии).

На первый взгляд может показаться, что внутри сборника не существует никакого тематического единства, но в дальнейшем мы убеждаемся, что любая статья связана с последующими и развивает идеи предыдущих. Так, если в I анализируется семантика имперского билингвизма, то во II ставится проблема соотношения между двумя манерами Иордана, языком исторического повествования и языком волшебной сказки. Если в III автор показывает, что псевдонаучное и теологическое объяснения землетрясений мирно сосуществовали, занимая каждое свою стилистическую «нишу», то в IV тот же вывод делается в отношении пророчеств, изрекавшихся в равной мере святыми, магами, астрологами. Милитаризация провинциального управления в VI в. — тема, с разных сторон освещаемая и в VI, и в VII этюдах и т. д. Есть и более общие сюжеты: ересь как этнический феномен и православие как выражение лояльности императору; социальная и культурная функции христианских реликвий; противостояние Константинополя и провинций и т. д.

Дагрон стремится рассматривать всякое явление в качестве равнодействующей множества сил: так, дебаты об иконах — в равной степени плод латинского юридического мышления и греческого интеллектуализма, а, например, византийский город предстает целой цепочкой компромиссов: между общественным и частным, религиозным и мирским, государством и обществом. «Многофакторный» характер анализа позволяет французскому исследователю отказаться от упрощенного противопоставления христианства — язычеству, латинского Запада — греческому Востоку и т. д. Вот как, скажем, выглядит у Дагрона противоборство этих языков: первоначально греческий не располагал на Востоке теми позициями, что латынь на Западе,

он был лишь языком культуры и провинциального партикуляризма; перемещение центра империи на Восток привело к экспансии латыни; это вызвало мобилизацию защитных свойств эллинизма, но последний неизбежно раскололся тогда на «римский» и «национальный», закономерно связавшийся с языческим; появление на Востоке «имперского» греческого логичным образом превратило там латынь в язык культуры, место Либания занял Лид; превращение греческого, известного далеко не всем христианам, в язык церковной ортодоксии, естественно, породило со временем зависимость ереси от иноязычия; позднее православных на Ближнем Востоке стали звать «мелькитами», т. е. «имперскими», — так религиозная ересь становилась политическим диссидентством.

Всякое явление рисуется Дагроном прежде всего как результат эволюции; даже в победе христианства он склонен видеть не революционный слом, а саморазвитие системы: «В отличие от Запада христианство для Византии было не разрывом с прошлым, а новым договором об аренде, заключенным с romanité еще на десять веков» (XI, 133). Одновременное существование в позднеантичную эпоху пророчеств эпистемологического, магического и христианского характера исследователь не склонен считать свидетельством борьбы мировоззрений: «Спор, если он был, был внутренним» (IV, 152),

христианство «слишком уверено в исходных догмах... и пытается отождествить себя со всем в romanité» (IV, 151). Иконоборчество для Дагрона — также не внезапный зигзаг развития, но «долгий и трудный компромисс», «последний эпизод длительного процесса аккультурации, в течение которого христианская Византия приняла все, что могла, из своего римско-эллинского прошлого» (XI, 143). Спор об иконах в освещении французского исследователя — не «противостояние ортодоксии и ереси, а свободный выбор между двумя ортодоксиями» (XI, 139), не инновация против традиции, а одна равноправная традиция против другой. В заключение приведем еще одно высказывание Дагрона: «На поверхности у византийцев было „все или ничего“, но этот принцип скрывал под собой искусство избежать столкновения лбами. Сухое теоретизирование соединилось у них с изобретательной практикой, нахмуренные брови компенсировались заговорщицеским подмигиванием. Копнув ортодоксию, мы обнаруживаем греческий юмор» (XII, 166). Эта цитата дает хорошее представление не только об общем стиле автора, изобилующем парадоксами и метафорами, но и о его научном кредо, проявляющемся так или иначе во всех статьях сборника.

Книга снабжена указателем, в котором, правда, имеются лакуны.

С. А. Иванов

Kyrris C. P. *History of Cyprus / With an introduction to the Geography of Cyprus*. Nicosia: «Proodos» Printing Office, 1985. 450 p.

Труд, созданный известным византинистом и востоковедом директором Института кипрских исследований в Никосии К. Киррисом — успешная попытка осмыслить историческое развитие Кипра с древнейших времен до современности. Значительное место в нем занимают проблемы средневековой истории острова. Византийский период К. Киррис подразделяет на несколько этапов: от правления императора Константина I до 649 г., т. е. до начала вторжений арабов на остров; с 649 по 963/964 г. — арабские вторжения; 964—1042 гг. — упорочение власти Византии; 1042—1191 гг. — упадок византийского Кипра и завоевание острова крестоносцами (1191 г.).

Большое внимание уделяется в книге истории кипрской церкви в ранневизантийский период, подчеркивается активная роль кипрского духовенства на церковных соборах в Никее (325 г.) и Сардах (343—344 гг.), его антиарианская позиция (р. 161—168, 172—175). Другим важным событием этого времени автор считает размещение войск и военных поселенцев на острове, что свидетельствует о его военно-стратегической значимости для Византийской империи (р. 169—170, 172).

Нетрадиционна точка зрения ученого о том, что с 688 или даже с 648 г. на Кипре устанавливается порядок, который К. Киррис называет «нейтральным совладением» (neutral condominium) островом, т. е. совладением арабов и византий-

цев (р. 189). Анализ соглашений, заключенных между Византией и Халифатом в 653 и 688 гг., приводит автора к выводу, что с середины VII в. на Кипре существовали две общины — греческая и арабская, причем греческие и арабские поселения соседствовали (р. 188—189), чеканились и находились в обращении как арабские, так и византийские монеты (р. 184). Впрочем, термин «нейтральное совладение» представляется нам не совсем удачным и ясным. Сам автор убедительно доказывает, что, несмотря на сложность обстановки, несмотря на арабские вторжения и борьбу с внешними врагами, остров, по существу, оставался частью Византийской империи; политические, религиозные и культурные связи Кипра с Константинополем никогда не прерывались (р. 179, 203—208); греки-киприоты по-прежнему платили и установленные для всех районов империи и налоги в византийскую казну; на Кипре, как и прежде, находился византийский архонт, выполнявший хорошо известные административные функции (р. 184); наконец, не прекращались ни византийское строительство (главным образом церковное), ни финансовая помощь империи Кипру (р. 190). Следовательно, можно не скорее говорить о сосуществовании на острове поселений арабов и византийцев, чем о «совладении» его территории Византией и Халифатом.

Ликвидация угрозы арабского завоевания стала поворотным этапом в жизни